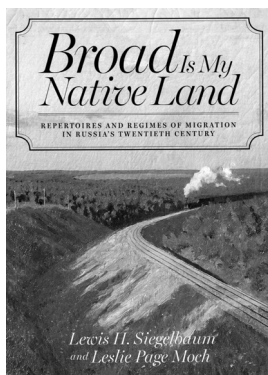

К. А. Болдовский

Рецензия на книгу:
Levis H. Sigelbaum, Leslie Page Moch
«Broad is my Native Land: Repertoires
and Regimes of Migration in Russia's
Twentieth Century»

Болдовский
Кирилл Анатольевич
кандидат
исторических наук,
заместитель
директора, Фонд
исследования проблем
новейшей истории
(Санкт-Петербург,
Россия)

Профессор Университета штата Мичиган (США) Льюис Сигельбаум известен русскоязычному читателю по книге «Машины для товарищей. Биография советского автомобиля»¹, в которой он исследует личный автомобиль как объект индивидуальных стремлений советского человека — своеобразное противопоставление господствующей коллективистской идеологии.

В своей новой книге «Широка страна моя родная: диапазон и правила миграции в России двадцатого века»², написанной в соавторстве с Лесли Мох, он обратился к такой актуальной сегодня теме, как миграция населения в России и СССР.

Необозримые просторы Российской империи и СССР предполагали непрерывное движение внутри страны. События, происходившие в этом пространстве, почти всегда представляли собой перемещения: мирные и военные, добровольные и принудительные. С места на место переходили солдаты и крестьяне, чиновники и заключенные, рабочие артели и разбойничьи шайки. Знаменитые слова В. О. Ключевского о том, что «переселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты», особенно справедливы для новейшей истории нашей страны.

Двадцатый век стал для России временем пика миграционных процессов. Тектонические сдвиги в социальной структуре, гигантские изменения всего жизненного уклада обусловили небывалые перемещения огромных групп населения — казалось, что вся страна постоянно переезжает с одного места на другое.

Авторы рецензируемой книги отказались от традиционного хронологического подхода к описанию событий. Они разделили свою монографию на главы в соответствии с причинами или движущими

силами миграционных процессов. Каждый раздел посвящен одному из видов массовых перемещений населения: переселенцам, сезонным мигрантам, переездам из деревень в города, поездкам в поисках работы, беженцам и эвакуированным, депортациям и даже маргинальным группам населения (бродягам, нищим и т. д.). Разделение по причинам переездов, сделанное авторами, иногда представляется несколько искусственным. Например, в главе 4, посвященной «карьерным мигрантам», переезжавшим на новые места в поисках лучшей работы, рассказывается почему-то только о трех основных группах: руководителях сельского хозяйства (к которым авторы относят и знаменитых «двадцатипятидесятников»), молодых специалистов, выезжавших в места распределения и, как ни странно, о персонале тюрем и лагерей системы ГУЛАГа.

Некоторые положения, высказываемые авторами, представляются, по меньшей мере, дискуссионными. Например, они утверждают, что: «Целью сталинского государства стало рациональное распределение населения в соответствии с местонахождением природных ресурсов... Тщательно разработанная иерархия "режимных" и не режимных городов заменяла ценовую политику капиталистического рынка жилья, запрещая селиться одним категориям граждан и позволяя другим»³.

Конечно, советская управленческая практика представляла собой причудливую смесь политической и экономической целесообразности. Трудно отделить одни мотивы от других, тем более что в большинстве явлений они проявлялись совместно, образуя своеобразную амальгаму. Во всяком случае, различные ограничения, введенные для прописки в городах (так называемые «минусы» или стокилометровая зона вокруг крупных центров), в значительной мере были вызваны политическими соображениями, а не необходимостью регулирования рынка жилья. Можно также вспомнить и выселение из Ленинграда значительных контингентов после убийства С. М. Кирова, проводившееся на основании анкетных данных в целях «очистки города от чуждых элементов».

Другим спорным положением, проходящим красной нитью через всю книгу, является утверждение о полной преемственности советских и дореволюционных практик или, другими словами, о том, что «советское» по своей сути — продукт досоветских российских явлений. Невозможно отрицать, что многие явления, свойственные советской действительности в той или иной степени, встречались в Российской империи. Однако размах кампаний, их четкая политическая направленность, степень вмешательства государства в миграционные процессы, которые часто были прямым следствием действий этого же государства, всеохватывающая система регулирования и контроля перемещений человека — все это явления, характерные исключительно для сформировавшейся в XX в. системы управления. Авторы, избравшие названием своей монографии строчку из известной советской песни 1930-х гг., кажется, не обратили внимания на другие слова той же песни: «Я другой такой страны не знаю».

Важным и интересным является вывод авторов о значительной роли, которую миграция во всех ее проявлениях сыграла при формировании советской практики межнациональных отношений. Транснациональные переселения, взаимопроникновение различных национальных культур, формы и методы разрешения конфликтов, неизбежно при этом возникавших, — все это оказывало существенное влияние на практическое воплощение национальной политики.

При анализе причин, вызывавших миграционные процессы в СССР, проявляется характерное для «ревизионистского» направления в западной советологии стремление авторов подчеркнуть значительную, если не определяющую, роль объективных, в первую очередь экономических,

факторов. При этом преуменьшается, иногда искусственно, влияние политических и чисто административных решений. Вследствие этого авторы стремятся подчеркнуть добровольность при принятии жителями СССР решений о переселении, относя к насильственной миграции исключительно репрессивные кампании (депортации по национальному признаку в конце Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы или высылку «кулаков» во время коллективизации). Даже стремление крестьян вырваться из охваченных голодом районов они сводят к экономической миграции и к переезду в поисках более обеспеченного существования, в то время как для людей вопрос стоял не о более сытной жизни, а о необходимости эту жизнь просто сохранить. В качестве другого примера подобного рода можно привести кампанию 1970-х гг. по привлечению в крупные города (в первую очередь, в Москву и Ленинград) рабочих для обеспечения жилищного строительства (так называемых «лимитчиков»). Внешне этот процесс вполне укладывается в рамки урбанизации и стремления сельских жителей перебраться поближе к центру. С другой стороны, однако, дефицит рабочей силы в жилищном строительстве был вызван вполне конкретными управленческими решениями: недостатком капиталовложений в эту отрасль и вызванными этим низкими зарплатами и отсутствием механизации, при преобладании низкоквалифицированного труда.

Прошла мимо внимания авторов и такая важная для изучения миграционных процессов проблема, как политика региональных властей, в первую очередь в национально-территориальных образованиях, по отношению к переселенцам. Дело в том, что далеко не всегда решения Центра выполнялись на местах полностью и безоговорочно, часто встречались случаи прямого саботажа или, например, более жесткого отношения к проведению депортаций, чем предписывалось Москвой.

Исследование базируется, в основном, на сведениях, содержащихся в уже опубликованных монографиях и статьях, при этом большинство из приведенных авторами фактов уже известны исследователям⁴. В качестве своеобразной компенсации за недостаток новых фактов авторы в каждом разделе постарались привести сведения из мемуарных источников, иллюстрирующие положения книги на уровне «микроистории». Это, безусловно, придает повествованию более живой характер. Одновременно, однако, возникают неизбежные в таких случаях вопросы о репрезентативности и достоверности приведенных в воспоминаниях сведений. Трудно, например, делать выводы о социальных характеристиках «двадцатипяти тысячников» на основе биографических сведений только двух участников этой кампании.

Характеризуя рецензируемую монографию в целом, можно отметить, что она представляет несомненный интерес как обзор и описание основных миграционных процессов в России XX в. В этом качестве она станет полезным пособием для всех изучающих советскую историю.

¹ *Сигельбаум Л.* Машины для товарищей. Биография советского автомобиля. М., 2011.

² *Sigelbaum L. H., Moch L. P.* Broad is my native land: Repertoires and regimes of migration in Russia's twentieth century. Cornell University Press. Ithaca, London. 2014. 421 p.

³ Там же. С. 3.

⁴ См., например: *Зайончковская Ж. А.* Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. 1999. № 4. С. 22–34; *Максудов С. (Бабёнышев А. П.)* Миграции в СССР в 1926–1939 годах // Cahiers du monde russe. 1999. Vol. 40. № 4. PP. 763–796.

Болдовский К. А. Рецензия на книгу: **Levis H. Sigelbaum, Leslie Page Moch «Broad is my Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia’s Twentieth Century»** // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 287–290.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, заместитель директора «Фонда исследования проблем новейшей истории» (Санкт-Петербург); bold63@mail.ru

Boldovskiy K. A. Review on: **Levis H. Sigelbaum, Leslie Page Moch «Broad is my Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia’s Twentieth Century»**

AUTHOR: Candidate of History, Deputy director of «Foundation for Research in Modern History» (St. Petersburg, Russia), bold63@mail.ru

REFERENCES:

¹ Sigelbaum L. *Mashiny dlya tovarishchej. Biografiya sovetskogo avtomobilya* (Moscow, 2011).

² Sigelbaum L. H., Moch L. P. *Broad is my native land: Repertoires and regimes of migration in Russia’s twentieth century* (Ithaca, London, 2014).

³ Zajonchkovskaya Zh. A. "Vnutrennyaya migraciya v Rossii i v SSSR v XX veke kak otrazhenie socialnoj modernizacii", *Mir Rossii*, no. 4, 1999.

⁴ Maksudov S. (Babyonyshhev A.P.) "Migracii v SSSR v 1926-1939 godah", *Cahiers du monde russe*, no. 4, 1999. Vol. 40.